

УДК 330, 334, 338

ПОЛИТЭКОНОМИЯ: ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В БОРЬБЕ ЗА РЕСУРСЫ

ТАРХАНОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа работ родоначальников политической экономии показано, что современные представления о рынке и конкуренции, выраженные в русскоязычной версии, не имеют ничего общего с исследованиями классиков и поэтому являются средством дезинформации, ослабляющим владельца ресурсов.

Ключевые слова: Петти; Смит; латинские корни экономических категорий; богатство народов; дезинформация; ослабление владельца.

POLITICAL ECONOMY: MISINFORMATION IN THE STRUGGLE FOR RESOURCES

TARKHANOV O. V.

ABSTRACT

In the article on the basis of the analysis of the works of the founders of political economy shows that the modern concepts of the market and competition, expressed in the Russian version, have nothing in common with the studies of the classics and therefore are a means of disinformation, weakening the owner's resources.

Keywords: Petty; Smith; Latin roots of the economic categories; the wealth of Nations; misinformation; the weakening of the owner.

Бертран Рассел утверждал: «Конкуренция, происходившая между отдельными фирмами, теперь разворачивается между нациями, и поэтому методы конкурентной борьбы совершенно не похожи на те, которые довелось видеть классикам экономической науки. Современный индустриализм представляет собой борьбу между нациями по двум направлениям: за рынки и за сырье, а также просто ради наслаждения властью» [1].

Отмеченное Расселом есть не что иное, как следствие обостряющейся борьбы наций за выживание. И в такой борьбе «все средства хороши». С самого начала эта борьба сопровождалась созданием военных форпостов для защиты интересов в колониях великих держав Европы. Мало того, служащие национальных торговых компаний «проникались военным духом» и участвовали в военных операциях противоборствующих государств на территории колоний. Этот факт нашел отражение в фундаментальном труде английского экономиста А. Смита [2, С. 534]. Своеобразный колорит действиям торговых компаний в борьбе за прибыль от торговли продуктами, выращиваемыми в колониях, придают факты, описываемые Смитом в главе VII. О КОЛОНИЯХ [2, С. 435 – 443]. Среди этих фактов сжигание урожая пряностей, плодоносящих деревьев и истребление населения колоний.

Но мир традиционных колоний ушел в прошлое, и борьба за ресурсы приобрела свои особенности. Эти особенности связаны с тем, что плодородная земля все более осознается как важнейший жизнеобеспечивающий ресурс. Ведь только с ее помощью можно удовлетворить главное право человека – право на жизнь через употребление пищи. Особенности являются: потери на Земном шаре 2/3 плодородной земли; рост количества голодных на Земле, выросшего до 1 млрд.

человек; сокращение в США и Канаде производства пшеницы; обозначение на уровне ООН и ФАО продовольственной проблемы; рост дотаций сельскому хозяйству и выращивание ГМО; разрушение СССР и падение плодородия земель в густонаселенных странах.

Но задача выживания в таких условиях каждого государства, как цивилизации, и выработка средств ее решения с учетом наличия атомного оружия, приобретает острую актуальность и для человечества в целом.

Известно, что в борьбе противоборствующих сторон одним из методов является введение противника в заблуждение. Ясно, что этот метод тем эффективнее, чем ближе к достоверности навязываемое противнику действие. В свою очередь, оценка противником навязываемого ему действия определяется не столько интеллектуальными способностями руководства страны, сколько состоянием ее научного потенциала. А научный потенциал определяется степенью совершенства теории, которая может быть использована для оценки навязываемого действия. Поскольку теорией владеют представители науки, постольку в оценке навязываемых любому государству действий решающую роль играют советники из числа высококвалифицированных, к данному моменту, научных работников.

Из изложенного следует, что до момента военных действий наибольшим эффектом ослабления противника являются те его действия, которые он совершает по совету своего научного корпуса и специалистов-управленцев. Значит, чем больше у одной стороны образование советников не соответствуют теоретическим достижениям корифеев наук и научно установленным фактам, тем ближе к поражению эта сторона в борьбе за выживание.

Поскольку основой мощи любого государства является его экономический организм, постольку наибольшим разрушительным эффектом для страны обладают решения, принимаемые ею на основе политэкономических советов, ошибочно принимаемых за научные положения классиков политической экономии. В результате, владелец ресурсов, использующий не соответствующую действительности теоретическую базу, разваливает собственную экономику с помощью собственных дезориентированных управленческих кадров.

Применительно к России такой метод борьбы прослеживается на основе рассмотрения главных категорий современной экономической мысли, ранее встречающихся у классиков политической экономии. Речь идет о категориях «конкуренция», «рынок», «земля».

Обоснуем это суждение на основе анализа этих категорий по работам классиков.

У многих народов мира слово «конкуренция» созвучно древнеримскому слову *concurrentia* – *сталкивание или «sokerentc» – соревнование*. В силу многочисленных обстоятельств это слово приобрело характер частого употребления представителями разных слоев граждан, от управленцев до крестьян, рабочих и домохозяек, при обозначении ситуации в различных отраслях деятельности человека, включая нормативно-правовые документы. Но широта применения слова «конкуренция» порождает путаницу в интерпретации этого понятия применительно к той или иной сфере человеческой деятельности. Это объясняется тем, что с течением времени первоначального смысла латинского слова «*concurrentia*» стало недостаточно для описания событий с участием разных субъектов и объектов, включая следствия от их взаимодействия. Другими словами, категория «*concurrentia*» не является понятием, исчерпывающе отражающим единственность сущностного проявления соперничества в человеческой деятельности. Более того, при различных внешних условиях и при достаточном опыте участников в конкретной отрасли деятельности следствия от «*concurrentia*» могут приобретать либо положительное, либо отрицательное значение.

Например, при проведении различных конкурсов, от спортивных состязаний до соревнования шеф-поваров и конкурсов проектов по решению какой-либо общественно значимой проблемы, знак конкуренции мероприятия зависит от следствий для участников, наставников, организаторов и их принадлежности к тем или иным сообществам. Под сообществами здесь понимаются объединения людей по каким-либо политическим, профессиональным, национальным, конфессиональным, любительским, классовым, цивилизационным и иным признакам. При этом вполне ясно, что чем больше признаков, характеризующих участников соперничества, тем больше имеется причин, препятствующих положительному знаку конкуренции

для данного вида деятельности. Это объясняется тем, что судейство на соревнованиях будет зависеть от принадлежности судей к тем или иным объединениям. Так, в профессиональном спорте, доходы организаторов соревнования тем больше, чем больше управляемость участвующих в них спортсменов. Действительно, доходы организаторов определяются не только билетами, приобретаемыми зрителями для посещения соревнования. Эти доходы определяются ставками зрителей, уверенных в победе своих фаворитов. При этом, чем ближе фаворит к объективному превосходству над соперником, тем больше на этого фаворита ставят. Однако очевидно, что в случае «управляемости» фаворита, его, так сказать «объективный» проигрыш сопернику, приводит к тому, что сумма ставок зрителей переходит к организаторам спортивного зрелища. Зритель же остается с карманами, очищенными тотализатором. Но если соперничество в профессиональном спорте или ином виде профессиональных соревнований не имеет особого значения для развития страны, то конкуренция в экономическом организме имеет прямое влияние на развитие общества.

Прогнозирование ЗНАКа (положительный или отрицательный) следствий от конкуренции тем определеннее, чем шире учет обстоятельств, от которых зависит характер осуществления (протекания) соперничества между ее участниками. Стало быть, с одной стороны, категория «конкуренция» не отражает собой заведомо положительного или отрицательного следствия при ее возникновении в том или ином виде деятельности человека. С другой стороны, учитывая развитие отношений между людьми по мере развития человеческих общностей от семьи, рода, племени, союза племен, нации до государств и их содружеств и союзов, принципиально НЕЛЬЗЯ предполагать положительность конкуренции между ее субъектами в виду не изученности каких-либо обстоятельств, включая субъективные факторы. Следовательно, свободное использование слова «конкуренция» в речи, лекции, статье или законе требует обязательного разъяснения от пользователя этой категории того смысла, который этот пользователь придает вводимому им в оборот слову, например, в русскоязычной среде.

Вероятно, несоответствие в русском языке смысла слова «конкуренция», образуемого от транскрипции латинского звучания «*concurrentia*», смыслу слов, на которые оно переводится в современных европейских языках, опосредованно отражается звучанием иностранных слов, не содержащих латинского корня подобно русскому слову. И это, при всем при том, что у большинства европейских народов латинский язык был обязательным для использования в сфере научных исследований.

В одном из источников на эту тему констатируется: «Таким образом, латинский язык на про-

тяжении многих веков до эпохи Возрождения безусловно выполнял функции международного языка, и притом не только в науке, но и в поэзии» [3]. Но усилиям научного сообщества по сохранению латинского языка, как научного, помешали два обстоятельства. Наука «Политическая экономия» сложилась к концу 17 века, когда завершился распад Римской и Византийской империй. В результате на развитие экономической лексики сказались национальные особенности, что привело к различию в понимании сложившейся в латинском языке терминологии и в национальных языках появились слова, несозвучные с одним единственным латинским корнем.

Так, русское слово «конкуренция» в переводе на иностранные языки, звучит как:

- на английском – *competition, competitive, competitiveness, rivalry, Competing* – конкурирующие;
- на немецком – *Wettbewerb*;
- на итальянском – *competencia, competición*;
- на испанском – *competizione*; – на французском – *competition*;
- на португальском – *competicao*.

Сопоставляя перевод, не трудно убедиться, что у европейских народов слово, отображающее русское слово «конкуренция», не созвучно латинскому корню русского слова.

Однако на средне- и восточно-европейских языках, включая литовский язык, русское слово «конкуренция» переводится как созвучное этому корню слово.

Некий водораздел между звуковыми отражениями разбираемой категории в разных языках приходится на греческий язык. Перевод русского слова на греческий язык отображается как: *ανταγωνισμός* – транскрипция – антагонисмоз (соперничество), или, *ανταγωνιστική* – транскрипция – антагонистики (конкурентоспособность).

Но вот как переводится «конкурентная борьба» с русского на другие языки:

- на английский – *competition, competitive, competitive struggle*;
- на немецкий – *Konkurrenzkampf*;
- на французский – *la concurrence*;
- на испанский – *la competencia*;
- на итальянский – *la competizione*;
- на македонский – конкуренција.

Так же интересен перевод словосочетания «жесткая конкуренция» с русского:

- на английский – *hard competition*, и еще 14 синонимов разной степени;
- на немецкий – *harte Konkurrenz* и *internationale Konkurrenz* (международное соревнование);
- на французский – *la concurrence*;
- на испанский – *la dura competencia*,
- на итальянский – *la forte concorrenza*.

Русское словосочетание «недобросовестная конкуренция» переводится:

- на английский – *unfair competition*;
- на немецкий – *unlauterer Wettbewerb*;
- на французский *a concurrence déloyale*;
- на итальянский – *concorrenza sleale*;
- на испанский – *la competencia desleal*.

А вот как переводится русское слово «завоевывать»:

- на английский – *conquer, conquest* (завоевать), *conquer* (покорить);
- на испанский – *conquistar*;
- на итальянский – *conquistare* (выиграть);
- на немецкий – *erobern*.

Из сопоставления приведенного следует, что в немецком, французском и итальянском языках имеются слова, часть которых созвучна латинскому корню *concurr*, соответственно, *harte Konkurrenz, la concurrence* (жесткая конкуренция), *la forte concorrenza*.

В то же время, русское слово «завоевывать» переводится на английский, испанский и итальянский языки, соответственно, как *conquer, conquistar* и *conquistare*. Не трудно убедиться, что в английском, испанском и итальянском языках имеют место быть слова, созвучные корню *conqu-* в латинском языке.

Остается выяснить, от какого же латинского слова образовались слова в английском, немецком, итальянском и испанском языках, переводящиеся на русский язык, как слово «конкуренция». И такое слово есть. Так, некое латинское слово *com-peto* с окончаниями *ivī (ii), itum, ere*, переводится на русский язык как «вместе домогаться, добиваться, согласовываться, быть годным» [4]. Но именно созвучно корню этого латинского слова звучит в английском и иных языках слово, переводимое на русский язык, как «Конкуренция». И мы уже знаем, что на английском языке это слово пишется как слово «*competition*». Однако, как не трудно заметить, смысл латинского слова сводится к совместным действиям нескольких объектов. В то же время, в переводе экономических трудов англичанина Смита, использованное им слово «*competition*» переведено на русский язык как «конкуренция», имеет иной смысл, чем смысл ряда латинских слов «*com-peto*» с окончаниями *ivī (ii), itum, ere*.

Приведенных сведений вполне достаточно для предварительного вывода о том, что в современную эпоху слово «конкуренция» в языках разных народов, включая народы Древнего Рима и Греции, отражало и отражает различные по сути явления.

Так, в Древнем Риме слово «*concurrentia*» обозначало участие людей в спортивных и иных состязаниях за индивидуальное первенство на глазах у большого количества зрителей. Там же под словами «*com-peto*» с окончаниями «*ivī (ii), itum,*» понималось совместное действие с результатом «быть годным», т.е. компетентным.

При этом необходимо отметить, что в Древней Греции, опередившей Древний Рим на несколько

столетий по возникновению городов-государств, спортивным состязаниям придавалось весьма большое значение. Но если в Древней Греции спортивное состязание представлялось словом *αυταγωνισμός* – транскрипция – антагонисмос (соперничество), то в Древнем Риме то же самое состязание было обозначено словом *concurrentia* – *сталкивание*. Однако, и латинское слово *concurrentia*, и греческое слово *αυταγωνισμός*, по своей сути, относящейся к спортивному состязанию, совпадают. И в этом совпадении отражают собой суть происходивших в спортивных состязаниях событий. А именно, в состязаниях спортивных *concurrentia* (латин) или *αυταγωνισμός* (греч) сводилась к выявлению ОДНОГО победителя из множества претендентов. При этом претенденты при подготовке к соревнованиям никак не зависели друг от друга. Их «затраты» на тренировки, одежду и пищу так же не определялись соперниками, а целиком и полностью определялись индивидуальными способностями и возможностями. Стало быть, спортивная борьба являлась борьбой (у греков) антагонистической, т.е. борьбой каждого участника за ОДНО единственное первое место.

Целью такой борьбы (антагонизм, конкуренция) в соревновании, посвященном какому-либо празднику, было выявление из множества спортсменов сильнейшего из них на данный момент в том или ином виде спортивного состязания. В Древнем Риме соревнования привлекали тем больше зрителей, чем было больше представителей от разных областей империи [2]. Количество зрителей определяло степень честности конкурентов на победу. И этот результат спортивной (конкурентной) борьбы спортсменов греческого или латинского (римского) народа сказывался весьма позитивно, ибо уводил конкуренцию из области межплеменной борьбы за блага в область спортивную, избавляя от разъединяющих народ частных интересов отдельных племен и городов-государств.

Возвращаясь к Б. Расселу [1], отметим его указание на **непохожесть** методов конкурентной борьбы, которые были описаны классиками экономической науки. Но не похожесть есть **прямое** предупреждение Б. Рассела об осторожной оценке наследия экономистов-классиков и его перенесения в экономический организм государства или экономическую теорию, например, представлений Смита об экономике Англии 18 века.

Вместе с тем, пониманию смысла конкуренции применительно к экономической сфере, с учетом ее политической составляющей, служит суждение Д. М. Кейнса: «Но самое большое значение имеют, помогая им раздувать пламя народного гнева, экономические причины войны, а именно – чрезмерный рост населения и (**competitive struggle**) **конкурентная** борьба за рынки. Именно второй фактор, который, вероятно, играл основную роль в XIX в. и может сыграть ее опять, имеет наиболее непосредственное отношение к нашей теме» [5, С. 349]

Из этих суждений видно, что сущность и смысл конкуренции, уже как категории сугубо политико-экономической, с течением времени претерпели значительные изменения по сравнению с ее древнегреческими и древнеримскими сутью и смыслом. У Кейнса это в прямом смысле не соревнование купцов за покупателя на рынке, а компетентная (осознанная) борьба за выживание вплоть до военных действий одной цивилизации против другой цивилизации.

Необходимо отметить, что конкуренция, как категория борьбы между субъектами экономических отношений внутри единого экономического организма государства не отражена в трудах основателей политической экономии, как науки об экономическом организме государства. Во всяком случае, не удалось этого обнаружить ни в трудах основоположника английской политической экономии Уильяма Петти (1623–1687), ни в трудах основоположника французской политической экономии П. Буагильбера (1646–1714) [6, 7]. И это несмотря на то, что Уильям Петти и Буагильбер были весьма одаренными и наблюдательными людьми.

Стало быть, на конкуренцию, как некую особенность отношений субъектов и объектов в экономическом организме государства, стали обращать внимание после некоторого периода развития капиталистических отношений на фоне роста населения, что находит подтверждение в исследованиях Смита [2]. Именно у него термин конкуренция («*competition*»), как некая основа деятельности субъектов экономического организма, находит весьма частое упоминание. К этому времени население Великобритании со времен Петти (около 5 млн. человек) увеличилось до 7 млн. человек. При этом Великобритания фактически вошла в эпоху относительного процветания. В то время массовой безработицы в Великобритании не наблюдалось. Развитие ее экономики было на подъеме. Потребности населения в пище и одежде фактически были обеспечены либо продуктами собственного производства, либо продуктами, получаемыми в обмен на свои излишне произведенные товары. Аграрное производство Великобритании было достаточно успешным, ибо в то время на каждого гражданина «Туманного Альбиона» приходилось около 2 га плодородных земель. Земледелие (минеральных удобрений не было) было **рентабельным** вследствие **трехпольного** севооборота (33% пашни составляли пары, удобряемые навозом) и наличия большого количества **лугов**. Это позволяло удовлетворить потребности в сырье развивающейся промышленности и потребности в пище населения, выросшего всего до 7 млн. человек. Именно на этот период приходится написание Смитом своего главного экономического труда [2].

Как известно, Маркс в «Капитале», в том числе, проанализировал положения Смита и показал их недостатки. Однако к концу 19 века в истории

России накопились факты низкой эффективности сельского хозяйства. Так, в период последних трех десятилетий царизма, в России неоднократно наступал голод, хотя именно в то время в России на одного гражданина приходилось около 2 га плодородных земель. Т.е. земледелие России конца 19 века было **нерентабельным**. Это привело к февральской буржуазной революции 1917 г. Но перестроенное на капиталистический лад сельское хозяйство также не смогло обеспечить производство достаточного количества пищи. Наличие этого и иных обстоятельств привело к совершению в России Октябрьской революции. Но лишь в период с 1929 г. по 1940 г. удалось достичь в советском государстве рентабельности сельского хозяйства. Однако после победы в Великой Отечественной Войне сельское хозяйство СССР, основанное на общественной и государственной собственности на землю, так же не стало справляться с задачей полного обеспечения населения продуктами питания в необходимых объемах. Т.е. **рентабельность** сельского хозяйства СССР стала падать.

Вероятно, факт низкой эффективности сельского хозяйства СССР и некое внешнее благополучие сельского хозяйства капиталистических стран стали для советских экономистов обоснованиями о возможности возрождения сельского хозяйства России через перевод ее сельского хозяйства на частнособственнические (капиталистические отношения). Но поскольку написанию Марксом «Капитала» предшествовал труд Смита [2], постольку именно на этот труд обратили внимание бывшие марксисты-экономисты СССР. И именно у Смита мы находим наибольшее использование слова «competition», переведенного «специалистами» на русский язык как «конкуренция».

В труде Смита, написанном в 18 веке, слово «конкуренция» (на английском – competition) используется при описании состояния отношений между субъектами и объектами рынка. Под «рынком» Смит, как и его предшественники, понимал экономическую категорию «рынок», как некое абстрактное место, где встречаются производители меновых стоимостей с покупателями. Сугубо в экономическом смысле сам Смит под рынком понимал не собственно экономическую систему наблюдаемого им общества, а только абстрактное **место**, где встречаются товары, произведенные в земледелии и промышленном производстве с потребителями этих товаров. В соответствии со здравым смыслом и логикой Аристотеля, таким местом является **рынок** (место обмена товаров на деньги). В абстрактном экономическом смысле этот рынок (место обмена товаров на деньги или друг на друга) существовал у разных народов мира с незапамятных времен и имел место быть как в первобытнообщинном строе, так и во всех последующих формациях. И при этом, ни одному из первых исследователей экономических общественных отношений, от Фалеса и Аристотеля до Петти и

Буагильбера, как родоначальникам науки «политическая экономия», не **взбрело** в голову назвать эти экономические отношения **рыночными**. Вполне ясно, что и Смит никогда не воспринимал свои исследования, как исследования некой **рыночной экономической системы**. Это значительно позже и благодаря своеобразному отношению к работам Смита в XX веке и с легкой руки интерпретаторов, исследования Смита возвели в ранг работы по теории **рыночной системы**, как системы капитализма. На самом же деле, само слово **рынок**, по прямому смыслу этой категории, относится не к капитализму, а к любой экономической системе, включая древние сообщества и похороненную экономистами социалистических государств Европы систему социалистических экономических отношений, названных некоторыми из этих экономистов как «коммунистическая система», или как «командно-административная экономическая система», порождающая дефицит. В последующем, у некоторых подобных экономистов их исследования научного порядка вылились в соревнования на поприще литературного жанра с использованием экономических терминов. В **результате такого** литературного околонаучного творчества названная ими «командно-административная система», как синоним социализма, неожиданно совпала с системой экономических отношений, сложившихся в капиталистических фашистских тоталитарных государствах Европы. Но дальше всех в словесной эквилибристике пошла академик Т. И. Заславская. Не сумев разобраться в причинах снижения рентабельности сельского хозяйства СССР, Т. И. Заславская призвала от социалистической системы СССР, как от «антисоциалистического капитализма», срочно перейти к «цивилизованному, гуманному и «социализированному» капитализму» [8].

В научном смысле, такие метаморфозы экономического мышления вызывают не столько удивление, сколько размышления о логике рассуждений людей с экономическим образованием и причинах этой метаморфозы. Действительно, некоторые люди с экономическим образованием, называющие себя **экономистами** и отождествляющие себя с последователями Уильяма Петти, Буагильбера, Кене, Смита, Риккардо и иных ученых-экономистов, включая Маркса, Энгельса, Маршалла, Д. М. Кейнса и Й. Шумпетера, таковыми являются в весьма узком смысле. Это обосновывается тем, что перечисленные классики экономической науки с неиссякаемым любопытством и самопожертвованием занимались разгадкой сущности экономического организма наблюдаемого ими в конкретную эпоху человеческого сообщества. А большое количество экономистов XX века, главным образом, занимались выискиванием «общих признаков» экономических организмов фашистских государств с экономическим организмом первого социалистического государства, предсказанного Марксом. В результате, в творчестве огромной армии эконо-

мически образованных людей (специалистов по изучению истории экономических учений) кроме хлестких литературных терминов, ничего существенного не было получено. Именно это позволило советскому академику В. И. Полтеровичу констатировать, что никакой цельной теории экономического организма (экономической теории) в XX веке не было создано [9]. Другими словами, на трудах Маркса, Энгельса, Кейнса и Шумперера остановилось развитие системного изучения экономического организма человеческого сообщества.

Этот достаточно ясный результат усилий мирового сообщества экономически образованных людей находит подтверждение и в суждениях выдающегося историка экономических учений М. Блауга [10]. Но результат в виде отсутствия общей теоретической экономии не мешает проследить внедрение в экономическое мировоззрение современных людей понятий «конкуренция» и «рыночная экономика».

Поскольку в России слово «конкуренция» употребляется в контексте с понятием «рыночная экономика» со ссылкой на главный труд Смита [2], то представляется логичным рассмотреть некоторые положения и термины Смита, сопоставляя их с понятиями, принятыми в сообществе российских экономистов, и аналогичными категориями ближайших к Смигу предшественников и критиков его творчества.

В главе II, п. 41 сочинения «Трактат о налогах и сборах» У. Петти (1623 – 1687) касательно рынка пишет: «Сверх того, лошади – такой товар, который доставит как себя самого, так и своего продавца на **рынок**, хотя бы и далеко расположенный» [6, С. 9]. В другом месте: «Например, олово является отечественным товаром, господствующим на зарубежных рынках, так как нет другого такого же хорошего качества и столь же легко добываемого и экспортируемого» [6, С. 23].

Здесь необходимо учесть, что во время написания этой констатации (середина 17 века) в Великобритании население составляло около 5 миллионов человек, из которых более 4 миллионов занималось земледелием, а на смену феодализму приходил капитализм. В это время земледельческое население кормило и одевало себя, производя и излишнюю пищу, и сырье в количестве около 25% от производимой ими продукции. Т.е. сельское хозяйство времен Петти было производительным с рентабельностью в 25%. Стало быть, основную массу товаров, излишних для их производителей, составляли продукты земледелия (пища и растительное сырье) и животноводческая продукция, включая самих животных. Касательно стран, экспортирующих английское олово, у Петти об экономическом укладе этих стран вообще нет никаких сведений. Значит, из сути приведенных мыслей Петти следует, что под **рынком** он понимал место, где товары, в приведенных случаях, лошадь или олово, могут быть проданы какому-либо покупателю. При этом, производи-

тели товаров, включая собственников и арендаторов земли, частных собственников промышленных средств производства, например, ткацких станков или производителей олова, вполне были отождествляемыми с общим понятием «капитализм» или «капиталистическая система производства» при внушительной надстройке в виде государственных органов власти, армии, судов, лечебных учреждений, сферы образования и религиозной сферы. Тем не менее, в середине 17 века слово «рынок» никак нельзя было отнести к понятию «рыночная система», определяющему экономическую систему производства и распределения производимых в этой системе товаров. Слово «рынок» в экономической системе, описанной Петти, обозначал не признак экономической системы, а место реализации и обмена произведенных товаров. К этому времени, учитывая многообразие видов обмена и реализации товаров (внутри государства и между государствами посредством купцов при участии денежного капитала), рынок из конкретного геофизического места обмена превратился в абстрактную экономическую категорию «сфера обращения» товаров. Но до введения Марксом в научную лексику категории «Экономическая система» и связанных с нею признаков было очень далеко.

Мы знаем, что во времена Петти эта система была основана на частной собственности на средства производства. Но Петти пишет: «труд есть отец и активный принцип Богатства, а земля его мать» [6, С. 31]. Под «Богатством» Петти понимает совокупность «земель, домов, кораблей, товаров, домашней обстановки, драгоценных металлов и денег» [6, С. 11]. Стало быть, под **мамой** богатства он понимает не собственно землю, а ее способность «рожать» товары (земледельческую продукцию). При этом у него нет рассмотрения признаков экономической системы. Эти признаки будут открыты Марксом после Петти через двести лет.

Необходимо отметить, что размышления Петти о двух источниках **богатства**, как товарного атрибута, нарушают то единство у классиков политической экономии, которое интерпретаторами их исследований сводится к так называемой трудовой теории стоимости, из которой следует, что мерилом меновой стоимости (товара) является труд.

В этом же сочинении Петти мы находим и размышления о мерах по упорядочиванию торговли между государствами: «Что касается **запрещения импорта**, то я утверждаю, что его не должно быть до тех пор, пока он **не превысит** значительно наш экспорт» [6, С. 26]. Вполне ясно, что это утверждение Петти не устарело и имеет прямое отношение к конкуренции между странами, как объектами экономических отношений в международной торговле.

В качестве обоснования своего вывода Петти пишет: «Более того, лучше сжечь продукт труда 1 тыс. людей, чем допустить, чтобы эти люди ничего не делали и вследствие этого теряли свое умение работать» [6, С. 26].

Из приведенных мыслей Петти следует:

1. Лучше уничтожить произведенный специалистами товар, чем допустить потерю этими специалистами своих навыков (первая доктрина Петти).

Вполне ясно, что применительно к результатам экономической деятельности в России указанное предостережение Петти по п. 1 выглядит вполне обоснованным. Хотя, как известно, Петти не был коммунистом, а был экономистом. Нарушение предостережения Петти приводит к возникновению источников безработных людей, часть которых превращается в бомжей. В результате у государства возникают проблемы социального порядка.

2. Петти обосновывал необходимость запрета импорта товаров, если в принятом в то время эквиваленте импорт товаров превышает экспорт товаров (вторая доктрина Петти).

Однако понятие об эквиваленте обмениваемых товаров необходимо уточнить. Во-первых, под эквивалентом здесь имеется в виду сугубо экономический эквивалент. Этот эквивалент должен сводиться либо к устоявшимся ценам товаров, либо должен сводиться к каким-либо их материальным эквивалентам. При этом, сопоставляемые товары должны измеряться в подобных для всех участников рынка единицах, например в воспроизводимых единицах для обоих участников обмениваемых товаров. И хотя во времена Петти в широком понимании понятия об эквивалентах еще не было, но в узком понимании эквиваленты уже в то время теоретически сводились к затрате труда на производство обмениваемых товаров. На практике эквиваленты товаров сводились к ценам, устоявшимся на внутреннем и международном рынках.

Но, во-первых, как оказалось, трудовая теория стоимости, зерно сомнения в верности которой посеяно самим Петти, не является достоверной. Это сомнение усилено Марксом [11, С.383]. Стоимости (потребительная и меновая), как объекты экономической деятельности человека, определяются не только трудом. На самом деле, стоимости, а значит и товары, определяются производением факторов. Т.е., например, применительно к сельскому хозяйству, при прочих равных условиях (осадки, погода, солнечная радиация и пр.), отображаемых коэффициентом k , стоимость «урожай $У$ » определяется не суммой факториальных условий, а производением фактора труда Φ_T на фактор плодородия Φ_n [12, 13]:

$$У = k \cdot \Phi_T \cdot \Phi_n \quad (1).$$

Здесь под факторами понимается отношение текущих значений показателей к максимально возможной величине этого показателя, например труда, задействованного в производстве товара.

При этом, товары, включая сырье, в зависимости от поведения факторов, могут быть воспроизводимыми и невозпроизводимыми. Например, на конкретном месторождении добыча угля

с течением времени приводит к исчерпанию месторождения. Стало быть, уголь является невозпроизводимым товаром, что учитывается введением фактора воспроизводимости $\Phi_{вос}$.

Продукты земледелия являются воспроизводимыми постольку, поскольку является воспроизводимым почвенное плодородие. Вполне ясно, что если с течением времени плодородие уменьшается, то фактор воспроизводимости продуктов земледелия также уменьшается. Значит, прежде чем продолжать торговлю пищевыми товарами, необходимо выявить причины снижения почвенного плодородия. Пищевая соль $NaCl$, добываемая в прибрежных морских зонах, относится к воспроизводимым продуктам. К подобным продуктам можно отнести лес, если заготовка древесины сопоставима с посадкой лесов или ростом массы древесины в лесах. Что же касается угля, нефти и газа, железных, алюминиевых и иных руд, то эти продукты не являются воспроизводимыми.

Вполне ясно, что фактор воспроизводимости $\Phi_{вос}$ воспроизводимого товара равен единице. Если же количество товара на экспорт во времени носит неустойчивый характер или с течением времени уменьшается по объему, то фактор воспроизводимости этого товара является величиной знакопеременной или уменьшающейся до нуля. Так, производство зерна на экспорт еще никогда в истории не достигало стабильных величин. Запасы сырьевых минеральных ресурсов (нефти, газа, угля и руды) во времени уменьшаются.

Стало быть, экспорт и импорт, с учетом рекомендации Петти, должен сопоставляться по формуле товаров, участвующих в экспортно-импортных операциях. С экономических позиций (вторая доктрина Пети) такой обмен для сторон должен быть тождественным:

$$ТОВАР_1 = k \cdot \Phi_{T1} \cdot \Phi_{n1} \cdot \Phi_{вос1} \equiv ТОВАР_2 = k \cdot \Phi_{T2} \cdot \Phi_{n2} \cdot \Phi_{вос2} \quad (2)$$

Вполне ясно, экспортируемое сырье, рано или поздно, исчезнет. Стало быть, обмен экспортером своего невозпроизводимого товара на воспроизводимый импортируемый товар, не является эквивалентным. Из этого вытекает необходимость корректировки торговых отношений.

В экспортно-импортном процессе не является эквивалентным для импортера и ввоз тех товаров, которые, по тем или иным их свойствам, он может производить у себя. При такой торговле импортер несет нарастающие во времени ущербы. Эти ущербы складываются из потерь импортером квалифицированных кадров по доктрине Пети, что эквивалентно потере производительных сил, например, сельского населения. К дополнительным ущербам относятся потери, которые наносит импортер собственному производству от ввоза продукции, которую может производить сам. В результате, в государстве увеличивается количество не трудящегося населения и растут издержки

на его содержание. Индикатором здесь является рост тарифов ЖКХ, рост цен на пищевые и иные жизненно важные продукты, сокращение бюджетных расходов на образование, медицинское обслуживание, инфраструктуру.

Современная Россия ввозит огромное количество продуктов питания и вывозит большое количество нефти и газа. При этом известно, что в России на одного россиянина приходится более 2 га плодородных земель, а в развитых странах Европы около 0,1 га.

Приведенных обоснований вполне достаточно для утверждения о том, что:

- вывоз зерна является стратегическим политико-экономическим заблуждением, ведущим к снижению национальной безопасности любого государства;
- нефть и газ являются невоспроизводимыми ресурсами;
- Россия может производить пищу для себя в достаточном количестве;
- сегодняшние экспортно-импортные отношения для РФ являются неэквивалентными.

На эту неэквивалентность накладывается уникальный факт, заключающийся в том, что Россия вывозит ежегодно около 20 миллионов тонн хлебного зерна, производство которого снизилось в США и Канаде [14]. Действительно, в пересчете на сухое органическое вещество, находящееся в импортируемой пище и экспортируемом зерне, Россия проигрывает в международной торговле. Так, в пересчете на сухое органическое вещество, Россия ввозит плодоовощной продукции около 1 млн. тонн, а вывозит 20 млн. тонн сухого зерна (проигрыш в 20 раз). В пересчете на цены в рублях за ввозимые фрукты и овощи и вывозимое зерно, Россия в международной торговле проигрывает в 8,75 раза.

Вывоз зерна в обмен на мясомолочную продукцию наносит двойной ущерб вывозящей зерно стороне. Во-первых, экспортер зерна ограничивает развитие собственного животноводства, ибо зерно является наиболее мощным фактором продуктивности домашних животных. Во-вторых, у экспортера снижается почвенное плодородие. Снижение плодородия объясняется тем, что в основе воспроизводства плодородия в сельском хозяйстве лежит круговорот органического вещества. Обязательным звеном этого круговорота является органическое вещество навоза и помета домашних животных [15]. Но отправленное за рубеж зерно не идет на корм собственному скоту и птице. Значит, у экспортера не воспроизводится естественное почвенное плодородие. Это, рано или поздно, приведет к снижению почвенного плодородия, в результате которого снизится и производство зерна. Стало быть, экспорт зерна является ущербным.

Непринятие мер по устранению неэквивалентности международной торговли приводит к ослаблению государства до уровня, когда ситуация

становится неуправляемой. Самые слабые в этой гонке цивилизации подвергаются экономической и военной экспансии. В случае наличия у слабой стороны невоспроизводимых экспортируемых ресурсов, государственное устройство подвергается разрушению с истреблением лидеров и разделением населения этих стран на взаимно уничтожающие маргинальные группировки, как в Ливии, Сирии и Ираке.

Приведенных обоснований достаточно для утверждения о том, что Россия вместо исполнения экономических рецептов Петти по ограничению импорта, все дальше от них отходит и как цивилизация теряет устойчивость во времени.

Констатируемая ситуация не случайна. Для выявления причин этого нам придется продолжить анализ категории «конкуренция» по труду Смита [2].

Во введении к своему обширному труду Смит писал: «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов. В зависимости, поэтому, от **большого** или **меньшего** количества этих продуктов или того, что приобретается в обмен на них, сравнительно с числом тех, кто их потребляет, народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается. Но это отношение у каждого народа определяется двумя различными условиями: во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими в обществе применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят» [2, С. 5].

Вполне ясно, что Смит во главу угла в производстве благ ставит совокупный труд народа, квалификацию труда и степень искусности применения труда для производства благ. На второе место он ставит соотношение чисел занятых и не занятых трудом людей.

Сравнивая возможности диких и цивилизованных народов, Смит продолжает: «... у народов цивилизованных и процветающих, – хотя у них большое число людей совсем не работает, причем многие неработающие потребляют продукты в десять, а часто и в сто раз большего труда, чем большинство работающих, – **продукт** всего труда общества в целом так **велик**, что часто все бывают в изобилии снабжены им, так что работник даже низшего и беднейшего разряда, если он бережлив и трудолюбив, может пользоваться большим количеством предметов необходимости и удобств жизни, чем какой бы то ни было дикарь. Причины этого прогресса в области производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между раз-

личными классами и группами людей в обществе, составляют предмет первой книги настоящего исследования» [2, С. 5–6].

Из этой мысли Смита следует, что в его время состояние английской экономики, включая сельское хозяйство, позволяло ее оценить весьма успешной по сравнению с обществом дикарей, пользующихся бесплатными дарами природы. Далее Смит продолжает: «Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, зависит везде от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления. Поэтому вторая книга рассматривает природу капитала, способы его постепенного накопления, а также изменения в количествах труда, приводимых им в движение, в зависимости от различных способов его применения» [2, С. 6].

Вполне ясно, что в этом месте Смит преследует цель описания способов рациональной организации труда рабочих с помощью «особого способа употребления капитала» и «способов его применения». Впоследствии это замечание Смита нашло отражение во введенных Марксом понятиях «производительные силы общества» и «производственные отношения». Следующая мысль Смита связана с политикой: «Политика одних народов особенно сильно поощряла земледелие, политика других – городскую промышленность. Вряд ли хотя бы один народ относился одинаково ко всем родам промышленности. Со времени падения Римской империи политика Европы более благоприятствовала ремеслам, мануфактуре и торговле, – одним словом, городской промышленности, чем земледелию – труду сельскому. Обстоятельства, которые, по-видимому, привели к такой политике и упрочили ее, объяснены в третьей книге» [2, С. 6].

Из этой констатации вполне ясно следует, что Смит не усматривал разных экономических укладов в развитии общественного производства, как это позже установил Маркс. Смит лишь утверждал, что к моменту написания им своего труда процветание европейских государств определялось тем, что **политика** государств Европы более благоприятствовала промышленному производству, чем земледелию. Такая констатация Смита свидетельствует о том, что в его время проблем в сельском хозяйстве не наблюдалось, и поэтому его рецепты по политике развития экономики, затронутые в трех первых книгах, принципиально не имеют никакого отношения к сельскому хозяйству, вообще, и земледелию, в частности. Далее он пишет: «... различные методы ... послужили основанием для весьма различных теорий политической экономии; при этом одни из последних особенно подчеркивают значение городской промышленности, другие – сельской. Эти теории имели значительное влияние не только на мнения образованных людей, но и на политику государей и государственной власти. В четвертой книге я пытался, возможно полнее и точнее, объяснить эти

различные теории и главные результаты, к которым они приводили в разные века и у различных народов» [2, С. 6].

Из сути изложенного следует, что четвертая книга Смита является изложением истории экономической мысли, сформированной предшественниками.

Введение завершается изложением задач, решаемых Смитом при написании книги: «В задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение того, в чем состоял доход главной массы народа или какова была природа тех фондов, которые в различные века и у различных народов составляли их годовое потребление. Пятая, последняя, книга рассматривает доход государя или государства. В этой книге я старался показать, во-первых, каковы необходимые расходы государя или государства, какие из этих расходов должны покрываться за счет сборов со всего общества и какие – только определенную часть общества или отдельными его членами; во-вторых, каковы различные методы привлечения всего общества к покрытию расходов, падающих на все общество, и каковы главные преимущества и невыгоды каждого из этих методов; и, в-третьих, наконец, какие причины и соображения побуждали почти все современные правительства отдавать часть своих доходов в долгосрочный залог или заключать долги и какое влияние имели эти долги на действительное богатство общества, на годовой продукт **его земли и его труда**» [2, С. 7].

Не трудно убедиться, что цели и задачи, поставленные Смитом, носили сугубо познавательный гуманистический характер. При этом Смит вслед за Петти указывает, что общественное богатство народа является «продуктом его (народа) земли и его труда».

Вероятно, Смит полагал, что описание создаваемой им успешно развивающейся в 18 веке экономики Великобритании и выявленные им особенности ее развития являются достаточными для обобщения – экономика любого государства может быть успешной, если будет развиваться по рецептам, вытекающим из его экономического труда.

Вместе с тем, во введении Смит не отразил какую-либо роль в создании богатства народа категории «competition», переведенной на русский язык как конкуренция.

Остается разобраться в значении категории «competition», использованной Смитом при описании современного ему экономического организма Великобритании. После чего можно будет оценить место конкуренции в экономике, как отдельного государства, так и экономики человечества в целом.

Категорию «competition» удалось обнаружить на двадцати двух страницах его 720 страничного труда. Смысловое значение этой категории Смитом не рассматривается. При этом, слово «competition» используется Смитом в широком диапазоне от обозначения переводчиками его труда на русский язык

ситуации в виде словосочетания «**рыночная конкуренция**» до четкого указания им на объекты или субъекты, конкурирующие между собой и названные им как «competitors» – конкуренты. Так, пытаясь выяснить природу сопоставимости обмениваемых товаров, как объектов купли-продажи на рынке, он пишет: «Нелегко найти точное мерило для определения степени трудности или ловкости. Правда, обычно при обмене продуктов различных видов труда принимается во внимание степень трудности и ловкости. Однако при этом не имеется никакого точного мерила, и дело решает **рыночная конкуренция** в соответствии с той грубой справедливостью, которая, не будучи вполне точной, достаточна все же для обычных житейских дел» [2, С. 29].

К сожалению, в оригинале текста словосочетания «рыночная конкуренция» у Смита нет. Об этом свидетельствует дословный текст на английском языке: «but by the higgling and bargaining of the market». В этом тексте слова «higgling» и «bargaining» переводятся на русский, соответственно, как «торг» и «переговоры». И такой торг и переговоры были характерны для двух сторон во все времена. Особенно ярко это проявилось в переговорах дикарей с покорителями Южной Америки, когда на рынке, в который временно превращалось место встречи южноамериканских аборигенов (дикарей) с Колумбом, аборигены меняли свои золотые слитки на стеклянные бусы покорителей [16]. Что любопытно, в трудах экономистов-теоретиков до 1867 г. и более поздних, знакомившихся до 1991 г. с этими событиями на рынках Америки, не встречается обозначения указанного обмена как результат «рыночной конкуренции». В лучшем случае, обмен золота на стекло вполне адекватно относится к международному мошенничеству на рынке, и сам факт этого мошенничества, хотя он и происходил на реальном рынке, никак не может характеризоваться словосочетанием «рыночная конкуренция», рожденным в головах бывших апологетов марксизма для молодого поколения бывших сограждан СССР.

Как показано выше, словосочетания «рыночная конкуренция» у Смита нет. Нет у него и словосочетания «рыночная экономика». Стало быть, подобные словосочетания являются плодом внеэкономического и явно не адекватного признаку «научность» мышления переводчиков труда Смита на русский язык. Но описанные Смитом зарисовки с рынка, на котором происходит обмен товарами между их владельцами, позволяют нам воспроизвести участников рынка и иных сфер отношений людей в 18 веке, обозначаемых Смитом как конкурентов.

Смит пишет: «В зависимости, поэтому, от большего или меньшего количества этих продуктов или того, что приобретается в обмен на них, сравнительно с числом тех, кто их потребляет, народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается» [2, С. 5].

В данном случае, продукты, в которых нужда-

ется народ, производимые народом и частью обмениваемые на другие продукты, представляют собой не что иное, как потребительные и меновые стоимости. Меновые стоимости, оставшиеся у народа сверх созданных и потребленных этим народом потребительных стоимостей, представляют собой многообразные товары. Именно эти товары являются объектами купли-продажи на рынке. Предоставляются эти товары на рынок людьми, которые, как субъекты рынка, обозначаются Смитом конкретными терминами. При этом под рынком, исходя из обобщения приводимых Смитом сведений, понимается: «1) место купли-продажи товаров и услуг, заключения торговых сделок» [17].

Субъектов рынка в 18 веке, можно выявить из размышлений Смита:

- «Если количество товара, доставленного на рынок, не покрывает действительного спроса, то... среди них (**покупателей**) начнется сейчас же конкуренция, и рыночная цена более или менее повысится» [2, С. 52];
- «Когда в результате увеличения действительного спроса рыночная цена какого-нибудь товара поднимется значительно выше его естественной цены, лица, затрачивающие свои капиталы для снабжения (**купцы и продавцы**) рынка этим товаром, обыкновенно стараются скрыть такое изменение» [7, С.52];
- «Если бы в такой стране заработная плата превысила размер, достаточный для существования рабочего и содержания его семьи, конкуренция между **рабочими** и интересы **хозяев** скоро понизили бы ее до наименьшего размера» [2, С. 66];
- «Когда капиталы многих богатых **купцов** вкладываются в одну и ту же отрасль торговли, их взаимная конкуренция естественно ведет к понижению их прибылей» [2, С. 81];
- «Крупные капиталы, вложенные во все отрасли торговли, и большое число конкурентов (**торговых капиталистов**) обыкновенно уменьшают норму прибыли» [2, С. 81];
- «В стране, насыщенной капиталом пропорционально объему ее промышленности и торговли, в каждую отдельную отрасль вкладывается такое количество капитала, которое допускается характером и размерами ее. Конкуренция поэтому во всех отраслях будет очень сильна, а, следовательно, обычная прибыль весьма низка» [2, С. 81];
- «Большее число людей устремится к этим профессиям (**певцы и танцоры**), и конкуренция быстро понизит цену их труда» [2, С. 98];
- «...вера, которая втягивает в эти рискованные предприятия столько авантюристических натур (**контрабандистов**), что их взаимная конкуренция понижает их прибыль меньше уровня, необходимого для компенсации риска» [2, С. 102];

- «Вместе с увеличением всего капитала страны, естественно, усилится и конкуренция между различными капиталами, из которых он состоит. **Владельцы** этих капиталов будут вынуждены довольствоваться меньшей долей продукта того труда, который занимает их капиталы» [2, С. 192];
- «Их (**торговцев**) конкуренция между собою могла бы, может быть, разорить некоторых из них, но принятие мер в предупреждение этого – дело заинтересованных сторон, и его можно всецело предоставить их осторожности. Такое усиление конкуренции ни в каком случае не может задеть интересов потребителя или производителя; напротив, это должно заставить розничных торговцев продавать дешевле и покупать дороже, чем в том случае, если бы вся отрасль торговли была монополизирована одним или двумя лицами» [2, С.196];
- «И главная задача **политической экономики** каждой страны состоит в увеличении ее богатства и могущества; поэтому она не должна давать преимуществ или оказывать особое поощрение внешней торговле предметами потребления предпочтительно перед внутренней торговлей или же транзитной торговле предпочтительно перед той и другой» [7, С. 207];
- «При естественном и свободном состоянии колониальной торговли конкуренция всех других **наций** не допускает повышения нормы прибыли выше обычного уровня как на новом рынке, так и в сфере новых занятий» [2, С. 413];
- «С этой целью она (**торговая компания**) пытается по возможности отстранять всех конкурентов с рынка стран, подчиненных ее управлению,» [2, С. 440];
- «Чем больше свобода, какой пользуется этот непроизводительный класс (**мануфактурщиков, ремесленников, торговцев** – ТОВ), тем больше будет конкуренция во всех различных промыслах, которыми он занимается, и тем дешевле будут оба другие класса (**землевладельцы и земледельцы** – ТОВ) получать иностранные товары и мануфактурные изделия своей собственной страны» [2, С. 469];
- «Для того чтобы приобрести это состояние или даже только получать эти средства к существованию, они (**узкие специалисты**) должны на протяжении года выполнить определенное количество работы установленной стоимости; и там, где конкуренция свободна, соперничество конкурентов, которые все стараются вытеснить друг друга, вынуждает каждого стараться выполнять свою работу с известной степенью точности» [2, С.542].

Т. о. участниками рынка являются производительные классы (землевладельцы и земледельцы) и непроизводительные классы (мануфактурщики,

ремесленники, торговцы). Затем следуют покупатели, продавцы, певцы, танцоры, контрабандисты, владельцы капитала, узкие специалисты и даже нации. Именно конкуренция на рынке между ними, определяет, по мнению ссылающихся на Смита отошедших от марксизма экономистов, благоденствие нации. При этом, как считается, благотворность описанного Смитом рынка как раз заключается, якобы, в выявленном Смитом регуляторе в виде «невидимой руки» этого же рынка.

Относительно «невидимой руки», направляющей действия владельца капитала Смит пишет: «Предпочитая оказывать поддержку **отечественному** производству, а не иностранному, он (**купец** – ТОВ) имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он **невидимой рукой** направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что **они ведут торговлю** ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны **среди купцов**, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них» [2, С. 272].

В приведенном размышлении о «руке», что очевидно на 100%, Смит говорит о **купце**, который оказывает поддержку отечественному производству. Такой купец, приобретая товар у производителя своей страны и вывозя этот товар за рубеж, оказывает колоссальную поддержку своему производителю, хотя об этой помощи и не помышляет. Влечет этого купца, главным образом, собственная прибыль. Эта прибыль над затратами капитала на приобретение товара у отечественного производителя для купца является главным мотивом. Было бы наивным считать, что купец не «имеет в виду свой собственный интерес». И только в этом смысле Смит вводит аллегорию «невидимая рука», которая влечет купца в зарубежные страны для реализации отечественных товаров, обеспечивая купцу доход над суммой произведенных им затрат. И эта «невидимая рука» не имеет абсолютно никакого отношения к внутренним пружинам рынка, который бывшие марксисты-экономисты спутали с экономическим строем, основой которого является частная собственность на средства производства при ее охране государством.

Весьма любопытно, что не лишенная талантливости мысль Смита о «невидимой руке» не только не имеет никакого отношения к капитализму, но и вообще не сочетается с понятием «невидимая рука рынка», под которой некоторые интерпретаторы

понимают именно капиталистическую систему. Под этой «рукой» Смит имеет в виду только интерес купца, вывозящего товары отечественного производства и никак не вредящего этому производителю. И такой интерес сохранился вплоть до социализма. Более того, по Смиту «задачей политической экономии страны» (политики государства) является НЕ ДАВАТЬ никаких преимуществ внешней торговле товарами потребления перед их торговлей на внутреннем рынке. В данном случае, для любой страны такими товарами является пищевые товары, например, зерно. Однако эта рекомендация Смита применяется Россией с точностью до наоборот.

Но что еще любопытнее, Смит «невидимую руку» употребил применительно к английским купцам, поставлявшим английские товары на зарубежный рынок, находящийся не в капиталистических странах, а в феодальных государствах, являвшихся колониями Великобритании. И употребил Смит термин «невидимая рука» в Главе II. Об ограничении ввоза из-за границы таких продуктов, **которые могут быть производимы внутри страны** [2, С. 270].

Возникает вопрос: «Что явилось причиной для пересмотра рекомендаций политической экономии Смита, реализованной в СССР до 1991 г., и кто автор начала этого пересмотра?».

Ответ имеется. Как известно, начиная с 1891 Россию стали сотрясать неурожаи и торговые войны на рынке Европы между российскими и американскими поставщиками хлебного зерна. Россия в этой борьбе проигрывала сразу по двум направлениям.

Во-первых, неурожаи в России приводили к голоду крестьянства в дворянских хозяйствах, как основных поставщиков зерна на экспорт. Во-вторых, поставка на рынки Европы зерна из Северной Америки и умелая игра на этом зарубежных купцов, приводила к неэквивалентности торговли между Европой и царской Россией. В-третьих, была нераспознана причина снижения урожайности в России. Как следствие, голод стал главным фигурантом истории и царский режим был снесен социальным недовольством российской элиты, крестьянства и разночинцев [18].

В ходе Первой мировой войны, революционных событий в феврале и октябре 1917 года и гражданской войны население в России сокращалось. Одновременно часть населения западных областей России переселялась в Восточную Сибирь на новые земли. В результате земли на западе России «отдохнули» от посевов и на этой части плодородия стало восстанавливаться, по А. С. Керженцеву, сорной растительностью [19]. На восстановление плодородия земель в СССР наложила отпечаток передача в 1917 г. земель в пользование мелким крестьянским хозяйствам, которые не могли засеять всю площадь. Лишь с середины 30 годов коллективизация (укрупнение хозяйств) и оснащение хозяйств тракторной техникой привели к возможности засе-

вать значительные площади земель. Но уже к пятидесятым годам в СССР вновь проявилось снижение рентабельности земледелия. Причина этого феномена не была разгадана.

В 1955 г. в СССР были опубликованы результаты испытания новых для земледелия смесей навоза с фосфоритной мукой. Такие смеси в несколько раз повышали урожайность зерновых [20]. Это позволило Президенту ВАСХНИЛ Т. Д. Лысенко подвергнуть критике теорию минерального питания [21]. Но путаница в проведении экспериментов по проверке данных Ф. В. Каллистратова еще на пятьдесят лет отложили распознавание механизма почвенного плодородия [22, С. 108]. Как следствие, причина сбоев в сельском хозяйстве СССР и социалистических стран не была установлена. В результате, без должных на то оснований, экономическая система социализма подверглась критике экономистов, бывших марксистов. Казалось бы, диагноз несостоятельности социалистического сельского хозяйства был достоверным, ибо опирался на статистические данные [23]. Но раз продуктивность колхозов и совхозов падает, как думали экономисты, значит, виновата общественная собственность на средства производства вообще, и на землю, в частности.

Первооткрывателем и идеологом несостоятельности практического социализма стал венгерский писатель Янош Корнай [24]. Наибольшую поддержку гипотеза венгерского писателя получила у советских экономистов [25, 26]. В результате, социалистический уклад экономики в СССР по совету именно экономистов был заменен на так называемую «рыночную экономику».

Однако китайские экономисты в течение тридцати последних лет от восторгов перешли к анализу гипотезы Корнай и на сегодняшний день не нашли в ней ничего достойного [27]. А самое главное, китайские экономисты оставили в покое теорию Маркса и не стали рекомендовать китайскому руководству разрушать социализм в Китае. Мало того, в современной Венгрии, с большим воодушевлением построившей капитализм на обломках социализма по рецепту своего гражданина (Корнай), потребовали срочного введения смертной казни для преступников [28]. Видимо без нее венгерское руководство не мыслит избавления от «достоинств» капитализма с регулятором в виде «невидимой руки».

Но если «невидимая рука» Смита не является универсальным регулятором рынка, то на что можно надеяться для исправления ситуации в сельском хозяйстве? Ответ имеется.

В 1966 г. точные эксперименты биолога А. Н. Илялетдинова позволили установить, что в смесях фосфоритной муки с перегноем не было перехода фосфатов в усвояемую форму. Эта форма появлялась лишь в смесях фосфоритной муки со свежим навозом [29]. Но эти опыты остались неизвестными даже Т. Д. Лысенко, умершему в 1976 г.

В последующем исследования А. М. Лыкова (1976), И. Ю. Мишиной, А. Д. Фокина (1984) и башкирских исследователей (1984 – 1995г.г.) позволили получить сведения о влиянии разных форм органического вещества на урожайность растений [30 – 33]. Эти сведения вкупе с открытиями А. Н. Виноградского, С. А. Северина, К. К. Гедройца, исследованиями В. И. Вернадского, В. Р. Вильямса, В. А. Ковды, А. С. Керженцева и М. М. Ландиной позволили вскрыть природу естественного почвенного плодородия. В его основе лежит круговорот органического вещества и взаимодействие его различных форм с солнечной энергией и веществами атмосферы, гидросферы и литосферы.

При этом было выявлено, что главным средством производства в сельском хозяйстве является не земля, а категория «Почвенное плодородие» [34]. Это позволило установить, что главной причиной снижения рентабельности сельского хозяйства и в капиталистическом организме экономике, и при социализме, было и есть ведение земледелия по способам, препятствовавшим воспроизводству естественного плодородия. По этим способам затраченное на урожай плодородие предлагали и предлагают восстанавливать с помощью минеральных удобрений, которые это плодородие лишь угнетали.

Но если плодородие падало везде, то почему в западных странах в семидесятые годы XX века как бы наблюдалось процветание? В политэкономическом смысле, это давно было известно Д. М. Кейнсу. Цивилизации Западных стран наращивали свое богатство и потребление за счет неэквивалентной внешней торговли с отставшими в развитии странами. Но торговля с любыми преференциями не предотвращает износ почвенного плодородия. Поскольку фактор почвенного плодородия, как основного средства производства, является множителем в производстве пищи, см. выражение (1), постольку сельское хозяйство на Западе, как использующее наибольшие в мире дозы минеральных удобрений, находится в очень тяжелом состоянии.

Об этом свидетельствуют большие дотации фермерам на Западе. И не только это. Так, если в 16 – 17 веках сельское хозяйство Великобритании, Франции и Германии справлялось с производством пищи для населения, то в последующем рост населения, снижение естественного почвенного плодородия и участвовавшие неурожаи привели в 18 и 19 веках к массовой эмиграции населения этих стран в Северную Америку. Действительно, как в работе Петти (17 век) [5], так и в работе Смита (середина 18 века) [2] не высказываются замечания в адрес сельского хозяйства Великобритании. Наоборот, оба исследователя отмечали высокую рентабельность отрасли, достигающую 25%. При этом, и на это необходимо обратить особое внимание, Смит был далек от исследования аграрной экономики. Он полагал: **«Каковы бы ни были почва, климат или размеры территории того или иного народа,**

обилие или скудость его годового снабжения всегда будет зависеть в таком случае от этих двух условий (труда и соотношения числа занятых и не занятых трудом – ТОВ)» [2, С. 5]. Но мы знаем, что это суждение является ошибочным. Урожай определяется произведением фактора труда и фактора почвенного плодородия (1). Мало того, совокупный урожай определяется и площадью полей. Причина ошибочности суждения Смита заключается в том, что ко времени написания Смитом своего труда почвенное плодородие полей Великобритании еще не было изношено, ее население не превышало 7 миллионов человек и она уже в то время ввозила недостающее для населения продовольствие благодаря искусной торговле своих патриотов купцов.

Сегодня же ситуация резко изменилась. Так, население Великобритании составило на 2014 г. 63 181 775 человек. Она ввозит $\frac{3}{4}$ муки, $\frac{3}{4}$ сливочного масла, $\frac{1}{4}$ бекона. Не намного лучше ситуация в остальных странах Европейского союза. Приходит к полному истощению естественное почвенное плодородие практически во всех странах мира. Т.е. частная собственность на землю, закамуфлированная под понятие «рынок», не предотвращает истощения плодородных земель и, поэтому, не является обоснованием неких полезных обществу экономических отношений. Не может оказать пользу обществу в производстве пищи и некая конкуренция частных владельцев земли и технических средств производства в земледелии и животноводстве. Как уже отмечалось, сельское хозяйство Запада не может функционировать без дотаций. В России же, после введения в 70 годы XX века всемерной помощи личным подсобным хозяйствам ЛПХ со стороны колхозов и совхозов в деле бесплатного кормления животных кормами с колхозных полей, произошли уникальные по степени назидания, события. После 1991 г. колхозникам раздали скот и землю. Но в настоящее время, вместо «competition» по производству мяса и молока, происходит резкое снижение поголовья в ЛПХ. И это вполне объяснимо. Поскольку поставка кормов с колхозных полей в ЛПХ прекратилась, постольку резко возросла нагрузка на ЛПХ по выращиванию кормов или их закупке. Но это непосильная задача в рамках сложившегося ошибочного ведения земледелия, приводящего к снижению плодородия полей, росту издержек, уменьшению количества пищи и росту цен на хлеб, мясо и молоко.

С другой стороны, раздача бывшим колхозникам в частную собственность земельных паев не привела к изменению ситуации. Наоборот, большая часть крестьян не желает заниматься тяжелым трудом на мелких земельных участках с изношенным в предыдущие десятилетия плодородием. Даже коллективный труд на такой земле уже давно стал нерентабельным. Дополнительно к этому, крестьян пытаются приучить к мысли, что их конкуренция между собой через увеличение усердия для большего получения продуктов, чего давно нет за рубежом, где

торжествует полная кооперация, как бы приведет к улучшению их жизни. Однако на практике каждый из современных российских фермеров знает, что наращивание им продукции ведет к росту непроизводительных затрат и попадание в кабалу к банкам. Поэтому фермер предпочитает произвести меньше, что приводит к уменьшению издержек и росту цен на его продукцию. Параллельно каждый из частных собственников земли знает, что лучше взять потребительский кредит под залог земли, чем до изнеможения трудиться на земле. Поэтому опора на ЛПХ и на фермерство, при описанных выше недочетах экономической теории, кредитной политике и ущербной практике земледелия, является стратегической ошибкой перестройки в СССР [35].

Во времена Смита рентабельность производства пищи объяснялась экстенсивным способом ведения земледелия и большими площадями паров и пастбищ, приводившими к незначительному снижению плодородия полей. В последующем рост населения Англии заставил перейти на интенсивное ведение земледелия с растущим год от года применением минеральных удобрений и сокращением паров и пастбищ. В результате к настоящему времени там плодородие изношено предельно, и растениеводство уже не может обеспечивать какую-либо рентабельность.

К такому состоянию все развитые цивилизации подошли одновременно. Поэтому дотации Запада своему сельскому хозяйству осуществляются только за счет положительного сальдо в торговле с третьими странами, и прежде всего, с Россией. Но дотации надо возвращать для поддержки государственных нужд. Значит, часть товаров земледелия и животноводства Запад должен продавать России за те же самые деньги, которые получила Россия от торговли своими истощающимися сырьевыми ресурсами. Как следствие, см. доктрины Петти и положение Смита о недопустимости импорта, это приводит к подавлению производства животноводческой продукции в России. Но такая ситуация не может продолжаться вечно.

Во-первых, естественное почвенное плодородие земель во всем мире продолжает убывать. Значит, производимой на Земле пищи уже сейчас не хватает и Западным странам, перешедшим на производство генномодифицированных растений [18, 36].

Во-вторых, в России сокращаются не только запасы сырьевых ресурсов. Сократилось поголовье животных более чем в три раза. Это как бы высвободило часть производимого зерна для экспорта. Одновременно с этим, именно в России сократилось в три раза не только производство мяса и молока, но и сократилось производство навоза. И именно в этот момент России навязывают идею нетрадиционной энергетики через переработку навоза в биогаз.

Здесь снова придется обратиться к Смиту: «Вызывая слишком поспешно отрасль труда, кото-

рая только возмещает капитал, затрачиваемый на нее, вместе с обычной прибылью, она задержит развитие отрасли труда, которая, помимо возмещения этого капитала вместе с соответственной прибылью, дает также чистый продукт, ренту для землевладельца. Она будет сокращать производительный труд, слишком поспешно поощряя тот труд, который совершенно бесплоден и непроизводителен» [2, С. 471].

Вполне ясно, что получение биогаза и его сжигание для получения электроэнергии – есть создание новой отрасли энергетики за счет переработки органического вещества навоза.

Переработка органическое вещество навоза в электричество требует дотаций со стороны государства, т.е. является бесплодным занятием. При этом будет сокращаться производительный труд земледельца, поскольку органическое вещество навоза изымается из процесса воспроизводства почвенного плодородия. Стало быть, именно Россия терпит колоссальные убытки из-за снижения плодородия полей, на которых выращиваются зерновые [37].

Так же не блестящи дела и в западных странах. И там конкуренция из формы «*competitività*» переросла в форму «*concurrentia*», *разорив сотни тысяч мелких собственников земли*. Это дало повод Лестеру Брауну заявить: «Поэтому вопрос о том, как прокормить растущее население планеты состоит в том, кто будет распоряжаться российским потенциалом» [38].

Однако такой сценарий не устраивает политиков России. Как известно, в России более ста лет не удается достичь продовольственной безопасности. Она настолько упала, что руководство страны вынуждено обозначить задачу импортозамещения.

Как показано выше, снижение экономического потенциала России произошло, в том числе, из-за нарушений положений классической политэкономии Петти, Смита и Маркса и ошибочного ведения земледелия. Но поскольку основы новых технологий воспроизводства естественного почвенного плодородия созданы именно в России, постольку появляется надежда, что вместо уничтожения нового технологического направления будет осуществляться его поддержка [39]. Это позволит предотвратить нежелательные международные конфликты через освоение в промышленности оборудования и в сельском хозяйстве рациональных технологий воспроизводства почвенного плодородия, как основного средства производства пищи.

В то же время, российскому сельскому хозяйству, наряду с технологическим реформированием, предстоит произвести рекооперацию по созданию крупных коллективных хозяйств, объединяемых, как и в Германии, в единую кооперативную сферу [40].

Смит утверждал: «И главная задача политической экономии каждой страны состоит в увеличении ее богатства и могущества» [7, С. 207].

Выводы

1. Словосочетание из трех слов «невидимая рука рынка» у Смита отсутствует.

2. Словосочетание «невидимая рука» использовано Смитом для характеристики труда купца, приобретающего товары у отечественного производителя и вывозящего их на рынки чужих стран для получения дохода, необходимого для собственного проживания через торговлю. Но этот интерес никак не является следствием конкуренции между участниками рынка или следствием существующей на рынке «невидимой руки», а является естественным желанием купца, как и иного поставщика товаров на рынок, получить средства для своего существования.

Приписывание выражению «невидимая рука» иного смысла, чем это обозначено у Смита, является не только введением в заблуждение экономистов, управленцев, студентов и любой страны мира в целом. Это искажение отвлекает мировое сообщество от решения тяжелейшей продовольственной проблемы и подвигает человечество к военным разборкам [5, С. 349].

3. Смит предостерегает государство от «поощрения внешней торговли предметами потребления предпочтительно перед внутренней торговлей» и от нанесения торговлей ущерба отечественному производителю. Мало того, он прямо призывал, вслед за Петти, прекращать импорт товаров, если такой импорт наносит ущерб собственному производителю. Стало быть, ни о какой открытой рыночной экономике у Смита речь не идет.

Введенная в заблуждение искаженным смыслом «невидимой руки», российская экономическая мысль не смогла предотвратить массового участия российских шопо-торговцев по ввозу в Россию товаров повседневного спроса, включая пищевую продукцию. Одновременно с этим, купцы постарались ввозить в РФ овощи и фрукты из стран бывшего социалистического содружества, присоединившихся к Западу. Дисбаланс в торговле России с Западом усилили смещением в противоположную от рекомендаций Пети и Смита сторону созданные в России пищевые иностранные холдинги. Все это, включая приготовление пива и иных напитков из зарубежных концентратов, приводит к подавлению российского производителя пищи. При этом никакие налоги на производство пищи на территории России иностранными компаниями не могут компенсировать ущерба, измеряемого вывозимой из России прибылью в родные для них страны. Ввоз этой прибыли назад в Россию под видом инвестиций лишь усиливает отсос добавочной стоимости, создаваемой на этих предприятиях из российского пищевого сырья.

4. Категории «рынок» или «рыночная экономика» не являются признаками капитализма. Капитализм по Марксу характеризуется производственными отношениями, основанными на частной собственности на все имеющиеся в государстве средства производства.

Но как мы уже знаем, частная собственность на землю не предотвратила деградации почвенного плодородия, а главное, она не может привести к росту производства пищи [40].

5. Некие соревновательные процессы между участниками сферы обращения, работающими на национальное богатство, у Смита имеются. Но эти соревновательные признаки определяются не латинским словом «*concurrentia*», а словом «*com-petivī*» или «*com-petītum*». Представляется, что именно смысл последнего слова превалирует в размышлениях Смита об участниках рынка. Этот смысл заключается в совместных действиях участников рынка с результатом «быть годным». Т.е. отношения на рынке не есть конкуренция на выживание одной части национальных участников за счет другой, а есть отношения по совместному выживанию через достижение компетентного отношения к национальному производству и распределению товаров.

6. Учитывая замечание Б. Рассела об изменении смысла конкуренции (*com-petītum*), рассматривавшейся основоположниками политэкономии, стоит согласиться, что в международном аспекте соревнования на рынке переросли в борьбу наций за ресурсы. С этой точки зрения «*competiviti*» по Сми-ту переросла в «*concurrentia*» или в *conquer* (рус. *Завоевывать*).

Изложенное позволяет полагать, что в разрушении СССР и продолжающемся разрушении экономики современной России имеет место быть дезориентация политэкономистов, смущенных байками о положительной роли некой «невидимой руки рынка», якобы описанной Смитом.

7. В России и мире пониманию причины снижения плодородия почв, как главного средства производства в сельском хозяйстве, мешают заблуждения в науках, обслуживающих сельское хозяйство, и личные представления о гуано. Но факты – упрямая вещь. Эта причина определяется ущербными технологиями переработки навоза и помета, приводящими к выведению органического вещества из круговорота. В результате этого, почвенное плодородие снижается, что приводит к уменьшению рентабельности земледелия и к потере плодородных земель. Стало быть, без вовлечения навоза для воспроизводства плодородия решить проблему продовольственной безопасности страны, как и задачу импортозамещения – невозможно.

8. Одним из препятствий на пути решения продовольственной проблемы является разделение сельского хозяйства на растениеводство и животноводство, как не зависимые друг от друга по интересам отрасли. Как следствие, навоз оказался отходом у животноводов и «гадким утенком» для растениеводов, опирающихся на минеральные удобрения по теории Либиха. Как следствие – страдают не только животноводство и растениеводство, но и экономика государства.

Между тем, уменьшение в России с 1991 по настоящее время поголовья скота более чем в три

раза, автоматически снижает продуктивность и рентабельность животноводства и растениеводства из-за невозможности использовать всю имеющуюся в государстве площадь сельскохозяйственных угодий и труда сельского населения, отстраненного от дел.

9. Причина продовольственного кризиса в царской России, Советском Союзе и Российской Федерации, как и во всем мире, заключается в выведении из круговорота в земледелии органического вещества урожая, пошедшего на корм животным. Решение этой проблемы связано не с видом собственности на землю, а с преодолением научно-институциональных ловушек. Положения наук о том, что «земля является основным средством», «плодородие определяется гумусом и минеральными удобрениями», «навоз является отходом» – являются заблуждениями.

На самом же деле, что предвосхищено российскими и советскими учеными и обосновано в работах Башкирского научно-инженерного центра по технологии переработки органики, основным средством в сельском хозяйстве является почвенное плодородие, определяемое взаимодействием почвенных организмов сельхозугодий с органическим веществом урожая, скормленного скоту и птице. Т.е. навоз – не отход, а ресурс воспроизводства плодородия.

10. Исправить положение в сельском хозяйстве можно. Но для этого придется отказаться от переработки навоза в компост и биогаз и приступить к освоению в серийном производстве технологии и технических средств, позволяющих перерабатывать навоз и помет в органоминеральные удобрения ОМУ. В опытах установлено – полученная из четырех тонн свежего навоза 1 т. ОМУ, внесенная в почву 1 раз на четыре года, дает прибавку урожая за эти четыре года в размере 3,2 тонны зерна [41]. При годовой производительности установки в 4,5 тысячи тонн ОМУ это позволяет удобрить в год 4,5 тыс. га и в течение четырех лет собрать дополнительный урожай различных культур повышенного качества в размере 14 400 тонн в условных зерновых единицах. При средней стоимости 1 т продукции в 6 тысяч руб. это позволит получить выручку в 86,4 млн. руб. Себестоимость 1 т ОМУ составляет 6,5 тысяч руб. Стало быть, чистый доход составит 57,15 млн. руб. Следовательно, при стоимости установки в 40 млн. руб. такая установка окупается практически за год. За десять лет 1 установка даст чистый доход, равный 531,5 млн. руб. Общий годовой эффект по России – на многие порядки выше.

К сожалению, для освоения в серийном производстве не имеющегося в мире оборудования необходимо провести наукоемкую НИОКР с созданием опытно-промышленной установки на действующем комплексе. Но этим работам более 20 лет мешают конкуренты по Б. Расселу.

11. Учитывая тяжелейшее состояние российской экономики, до которого ее довели воплощае-

мые в жизнь идеи интерпретаторов работы Смита, с прямо противоположным смыслом его исследования, следует признать, что «невидимая рука» рынка (международная торговля), мертвой хваткой держит «за горло» российскую экономику и осязаемо доводит ее до безжизненного состояния. Удерживаться в этом состоянии от летального исхода помогает России последний указ Президента об импортозамещении. Его достижение Президент России В.В. Путин связал с необходимостью усиления технической и технологической политики [42].

Вполне ясно, что в данном случае, предлагается найти решения, которые позволят получить пищевые продукты от деятельности отечественного производителя через выделение денег на соответствующие НИОКР. Поиск такого вложения денег (сеньораж) – есть насущная инвестиционно-бюджетная задача правительства [43]. Поиск частного инвестора для решения этой правительственной задачи – является ошибкой. Об этом свидетельствует весьма низкая творческая отдача академической и прикладной науки и практически сведение до нуля изобретательской деятельности научно-инженерного корпуса страны. В то же время, для осуществления импортозамещения у России имеется задел [41]. Но его использованию мешает наличие научно-институциональных ловушек [44], недобросовестная внутренняя конкуренция, поощряемая претендентами на ресурсы России, усиливаемая искажением смысла категорий Смита, и низкий уровень (до ненадлежащего исполнения служебных обязанностей) компетенции госслужащих, формирующих научно-техническую политику государства [39, 45].

Список литературы

1. *Бертран Рассел*. «Словарь разума, материи и морали», 1996.
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства» (1776 г.). – М.: Соцэгиз, 1962.
3. *Боровский Я. М.* Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса) / Проблемы международного вспомогательного языка. – М., 1991. – С. 70-76.
4. *История физической культуры* / Ред. коллегия: Ф.И. Самоуков и др. – М., 1964. – С. 21– 35.
5. *Кейнс Д. М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002.
6. *Уильям Петти*. «Трактат о налогах и сборах», 1662 г. Глава X «О наказаниях.»
7. *Буагильбер П.* Рассуждения о природе богатства, денег и налогов. – Горький: Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1973.
8. *Заславская Т. И.* Социализм, перестройка и общественное мнение // Социолог и общество. – 1990.
9. *Полтерович В. И.* Кризис экономической теории. Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН., 2003. – С.1.

10. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Дело ЛТД, 1994.
11. Маркс К. Капитал. Редакция Ф.Энгельса. Т.3. Сочинения. Издание второе. – М.: Госиздат политической литературы, 1962. – 383 с.
12. Тарханов О. В. Аналитическая оценка ожидаемого урожая // Экология и почвы. Избранные лекции X Всероссийской школы. – 2001. – Т. IV. – Пушино.
13. Тарханов О. В. Теоретическая экономия – тупик классового подхода. – М.: Экономика, 2003.
14. С. Филлипс, Р. Нортон, Мировое производство зерна пшеницы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: eesa-ru.ipni.net/article/EECARU-2163.
15. Тарханов О. В. Органическое вещество в агроценозе. – Уфа:БИЦОР, 1999. – 51 с.
16. Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы, пер. с исп., М., 1961 / Колумб Америку открыл... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: missporova.com/amerika/istorija-ameriki/kolumb...
17. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь, 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 1999.
18. Тарханов О. В. Голод и государство: Россия (1892 – 2014) – суть проблемы // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2014. – № 11.
19. Керженцев А. С. Изменчивость почвы в пространстве и во времени. Рос. акад. наук, Ин-т почвоведения и фотосинтеза. – М.: Наука, 1992.
20. Каллистратов Ф. В. Опыт применения органо-минеральных смесей под озимую пшеницу // Журнал «Земледелие». – 1955. – 7. – с.52-55.
21. Лысенко Т. Д. Почвенное питание растений – коренной вопрос науки земледелия. – М., Сельхозгиз, 1955 (1956, изд 2, дополненное).
22. Керженцев А. С. Функциональная экология. – М.: Наука, 2006.
23. Товарный дефицит в СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: quickwiki.com/ru
24. Корнаи Я. Дефицит. (1982) [Djv-ZIP] Перевод с венгерского: С. Берзиной, С. Булаха, В. Заикина, Д. Маркова, А. Михальской, А. Полякова, М. Попова, В. Филиппова. Научное редактирование Д. Маркова и М. Усиевич. Предисловие О. Богомолова. Москва: «Наука», 1990.
25. Тарханов О. В. Экономическая социология и государство // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 4 (8). – с.57-73.
26. Тарханов О. В. Аграрная экономика и государство // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. – № 2-1 (10). – с. 77-91.
27. Борох О. Н. Современная китайская экономическая мысль. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1998. – 295 с.
28. Власти Венгрии не прочь ввести смертную казнь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rosbalt.ru/2015/04/29/1394151.html
29. Илялетдинов А. Н. Биологическая мобилизация минеральных соединений. – А-Ата: Наука, 1966.
30. Лыков А. М. Органическое вещество и плодородие дерново-подзолистых почв в условиях интенсивного земледелия: автореф. дис. докт. сельск. наук. – ТСХА, 1976.
31. Мишина И. Ю., Фокин А. Д. Растительные остатки как фактор плодородия дерново-подзолистых почв. // Современные процессы почвообразования и их регулирование в условиях интенсивных систем земледелия. – М.: ТСХА, 1985.
32. Фокин А. Д. Почва, биосфера и жизнь на Земле. – М.: Наука. 1986.
33. Тарханов О. В. Концепции питания растений и общество // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 3 (7). – с.41-56.
34. Тарханов О. В. Основное средство производства агроценоза: обоснование нового видения // Аграрная наука. – 2014. – № 7.
35. Тарханов О. В. Личные подсобные хозяйства и экономика. // Аграрный вестник Урала. – 2008. – № 8. – с. 13–19.
36. Тарханов О. В. Бегство от голода: история реформ аграрных технологий и современные проблемы // Истории мировой экономики, 2014, вып. 3. – М.: Институт экономики РАН. – 220 с..
37. Тарханов О. В., Тарханова Л. С. Современные технологии переработки навоза и помета как тормоз экономики. – Уфа: Системы и технологии, 2009.
38. Великий продовольственный кризис 2011 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vsruskie.ru/news/106014>
39. Данилова Г. Б. Уникальное открытие башкирских ученых не может дойти до аграриев. Ближе к земле / Российская газета, № 240(6512), 21 октября, 2014 г.
40. Тарханов О. В. Конкуренция как фактор разрушения // Стратегия России. – 2015. – № 6.
41. Корнилов В. И. Башкирский опыт воспроизводства почвенного плодородия и продовольствия безопасность // Аграрный вестник Урала. – 2011. – № 5.
42. Путин: России нужен научно-технологический суверенитет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.rambler.ru/politics/30589082/...
43. Смирнов А. Д. Модель динамики государственного долга России // Экономический журнал ВШЭ. – 2000. – № 2.
44. Тарханов О. В. Научные и научно-институциональные ловушки в АПК // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 2 (6). – с. 72-79.
45. Данилова Г. Б. На те же грабли / Российская газета, № 8 (6579) 20.01.15.